

— Акпай! — говорю я. — Ты видишь лес? Тогда Акпай скалит зубы и говорит мне словами поговорки:

— На степи сурок¹⁾ с сурчатами, что верблюдов с верблюжатами.

Рис. 1. Акпай.

Я смеюсь правоте этой поговорки. В степи все предметы могут показаться огромными. Маленького грызуна-сурка можно принять за огромного верблюда; бугорок земли — за

¹⁾ Сурок—маленькое животное из степных грызунов.

юрту кочевника; холмик, поросший бурьяном,— за темный лес.

Слова Акпая прогоняют мираж¹⁾). Я сам уже не верю глазам, не смотрю вдаль, а пытаюсь взглянуть в более близкие предметы.

Зноен июльский день. Высохшая степь переливается то бурыми, то желтоватыми пятнами. Заросли ковыля перемежаются серовато-зеленой полынью. Местами сквозь почву проступают белыми пятнами соль. Степь эта была когда-то дном огромного моря.

Сперва кажется, что степь замерла от зноя. Но прикроешь глаза рукою, начнешь пристально всматриваться в нее и видишь, что там и сям копошатся и передвигаются маленькие зверки. Иной раз они застывают неподвижными «столбиками». Все это степные грызуны — суслики, сурки, хомяки. Выманило их из норок полуденное солнце. За лето они отъедаются зернами, корешками, луковицами степных растений. Придет зима, и все эти маленькие грызуны залягут спать в свои норы.

¹⁾ Мираж — явление, имеющее место в пустынях и в степях, которое состоит в том, что глазам пугников представляются города, озера, зеленые рощи. Явление это носит также название фата-моргана.

Но утомляется глаз и снова обманывается степными миражами.

— Скоро выедем на большую дорогу,— говорит мне Акпай.

И вот вырастает перед нами караван завьюченных верблюдов.

Минут через десять кони наши выносят нас на тракт, ведущий к ближайшему городку.

По дороге мы встречаем обозы быков и верблюдов, запряженных в двухколесные телеги, называемые здесь арбами. Встречаются и караваны завьюченных верблюдов. На арбах и на вьюках из степей в город везут огромные кипы овечьей и верблюжьей шерсти, реже — готовые войлоки и ковры. Перед глазами мелькают вытянутые шеи и головы верблюдов с умными серьезными глазами. Неспешной походкой идут верблюды под палящими лучами солнца.

Мы едем с Акпаем по дороге и обгоняем другие обозы, которые везут из города в степь чугунные котлы, тюки с мануфактурой, ящики с кирпичным чаем, сахаром и солью, решетчатые остовы для туземных юрт. А навстречу из степи гонят стада баранов. Погонщики стад, полуголые, бронзового цвета

люди, здороваются с Акпаем, делятся всеми новостями, а потом едут своим путем. Жарко и хочется пить.

— Далеко ли до улуса? — спрашиваю я Акпая.

— Близко. Чакрымов шесть будет.

Знаю я этот киргизский «чакрым»! Кто их мерил? В среднем чакрым равняется версте. Но у киргизов чакрымы бывают разные.

Через короткое время мы сворачиваем с дороги и едем желтовато-бурой степью.

II.

Ковыль да ковыль, да сухая степная трава типец шуршат под копытами наших лошадей. Лошади истомились, устали. А на усталой лошади ехать сплошная мука.

И вдруг — озеро. Я уж боюсь верить. Может быть, опять мираж, обман колеблющегося воздуха над раскаленной степью?

Но, слышу, и Акпай мне кричит:

— Смотри, озеро. Там кочует Бектурган. Вон его юрты!

Я киваю головой Акпаю, но сам не вижу никаких юрт.

— Близко, близко,— говорит Акпай.

Лошадь моя низко опустила голову. Потная шея потемнела. Я чувствую, что и меня истомило знойное солнце.

Но вот пасутся лошади. Недалеко и до улуса. Поодаль разбрелись овцы. В стороне, слева, маячат горбы верблюдов. Рогатый скот киргизы разводят неохотно. В киргизе крепко еще сидит кочевой дух: овцы да лошади — лучший для них скот.

Наконец, и я вижу большие то белые, то серые, то совсем темные кругловатые кучи. Над круглыми кучами поднимаются струйки дыма. Теперь и мой нос явно различает запах дыма, навоза и кислого молока. Круглые кучи эти оказались войлочными юртами.

Злющие черные собаки встретили нас оглушительным лаем, но молодая киргизка в белом платке замахнулась на них, и собаки отбежали прочь.

Мы слезли с лошадей, и тотчас два проворных мальчика лет по 7—8 вскочили на наших лошадей и ускакали в степь. Мне было не до лошади. Я поздоровался с хозяйкой юрты и шагнул через порог. Войлок, завешивающий вход, был откинут. В юрте было про-

хладно — войлок плохо пропускает тепловые лучи. Вместе с тем в юрте не было и духоты: снизу с двух сторон войлоки были откинуты и оставляли сквозь решетки свободный проход для степного ветерка. Посредине юрты горел очаг, где вместо дров тлели куски сушеного навоза — кизяка.

Хозяйка (звали ее Нуриля) взяла турсук — особый мешок, сделанный из цельной овечьей кожи, где двумя горлышками служила кожа, целиком стянутая с ног. Нуриля развязала один из выдающихся концов, подставила большую деревянную чашку и наполнила ее кумысом. Кумыс готовится из кобыльего молока. Это очень питательный и здоровый напиток. Не даром врачи слабогрудых и малокровных людей велят поить кумысом. Непривычного человека кумыс слегка опьяняет, и надо только дивиться, как много могут выпить кумыса киргизы.

Я отпил несколько глотков и передал чашку Акпаю. Он выпил ее до дна, и Нуриля снова наполнила ему чашку до краев кумысом.

Пол юрты был застлан войлоком. Я растянулся и быстро задремал.

А когда проснулся, то Акпая и Нурили уже не было в юрте. Но зато около меня сидел полный веселый хозяин юрты и приветливо мне улыбнулся, как только я открыл глаза.

Мы быстро с ним познакомились, он был чрезвычайно любезен, засыпал меня вопросами и сам охотно рассказывал.

Хозяин весьма одобрительно отзывался о моем намерении постранствовать по степям. В подтверждение моих слов он привел даже слова мудреца-поэта:

— Лучше ходить босиком, чем носить тесные башмаки,— сказал Бектурган мне. — Лучше испытывать все невзгоды странничества, нежели сидеть на одном месте.

Я согласился с ним и стал рассказывать Бектургану, как хорошо теперь ездить, как удобно передвигаться на большие расстояния в поездах, на пароходах и даже по воздуху на аэроплане.

Бектурган — бывалый человек. Он, оказывается, побывал в Москве.

— Москва—большой муравейник. Ой, как много людей в Москве! — сказал Бектурган.

Москва понравилась Бектургану, но езда в вагоне показалась ему очень тяжелой.

В вагоне Бектургану было очень душно. То ли дело верхом на степном скакуне мчаться впергонки с ветром? Мне хотелось быть любезным с хозяином и я не стал спорить.

— И у нас в степях меньше стало простора,— говорил Бектурган.— Прежде, бывало, наши киргизы кочевали от самого Аральского моря до северного края степей. На зиму уходили поближе к пескам, а весной, покуда еще не сожгло в сухих степях траву, двигались в ковыльные степи к северу. Осенью снова кочевали к зимовкам. Просторно было. Где хочешь, там и кочуй. Правда, и в прежнее время держались киргизы проторенных путей — на пути своих кочевок рыли колодцы, примечали места для пастбищ. На проторенных путях легче было встретиться с приятелями и сородичами.

Но пришли в степь русские. Позахватили они лучшие уголья для пашен и сенокосов. Труднее стало жить киргизам. Кто посмелей был, оказали было сопротивление. Стали угонять у русских скот и топтать поля. Таков был закон в степи — обидчиков подвергать грабежу. Такой грабеж назывался барантой.

Ну, да русские были сильнее. Жестоко рас-
плачивались за грабежи с киргизами. И
присмирел народ.

Широка и необ'ятна киргизская степь.
И со всех сторон обступают ее земли, где люди
живут оседло. А настоящих кочевников
отжимают в глубь степи.

Глядя на русских, стали и киргизы поне-
много засевать поля. Стали заготавливать сено
для скота, строить постоянные зимовки, да
и на летние кочевки стали отходить на недале-
кие расстояния.

— Может быть, это и не плохо,— говорил
Бектурган.— Да плохо было то, что до рево-
люции лучшие земли отходили к русским.
Обидно было смотреть на это... Ну, да теперь
своя власть, своя республика у киргизов.
Теперь нечего на других пенять.

Пока мы разговаривали, хозяин распоря-
дился заколоть для меня барана. Нуриля
подбросила кизяка в огонь и стала варить
мясо.

В ожидании ужина мы пили кумыс и ожив-
ленно разговаривали с хозяином.

III.

Вечером за ужином, когда в юрту Бектургана собрались гости и началась оживленная беседа, а потом стали петь песни да стародавние былины, я убедился, что и вправду низко над степью киргизской пролетела птица-песня. Я не мог не дивиться остроумию моих собеседников.

Женщины (среди них не было Нурили) внесли в юрту огромный котел, где была вареная баранина с мелко накрошенным тестом. Это блюдо у киргизов носит название бишбармак. В переводе это значит «пять пальцев». Самое название это указывает на то обстоятельство, что бишбармак полагается есть с помощью собственной пятерни. Да киргизы и вообще редко употребляют ложки. Вилочек у них и в помине нет. Вошла Нуриля с полным турсуком кумыса. Жирный бишбармак вытряхнули из котла на деревянное блюдо. Бектурган порывлся пальцами, засучив предварительно широкие рукава своего халата, и отыскал в куче вареного мяса баранью голову. Голову эту он передал мне, как гостю. Голова почетная часть кушанья.